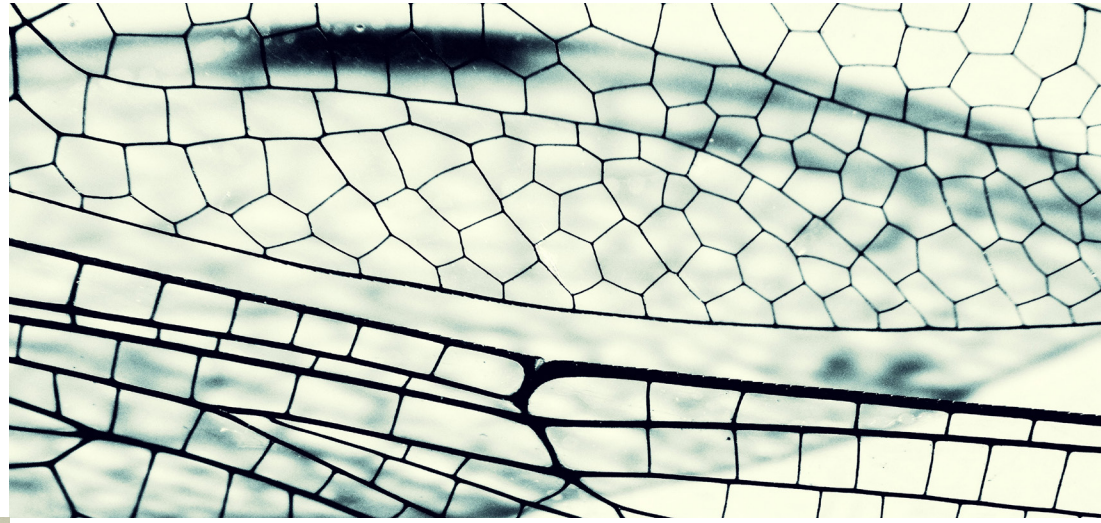
Автор, кажется, не поддается ни на какие уговоры-разговоры о том, что литература исчерпана, новое высказывание в поэзии невозможно. Здесь в книге – тонкое движение в осторожном раздвигании горизонта мироощущения. Причем сама культура пластической сдержанности словно бы составляет важную часть независимого словесного искусства, позволяя оформлять «никогда прежде не бывавшее» мгновение. Высказывание принадлежит «homo sensibilis» (не в ущерб «homo sapiens»), и мы неожиданно обнаруживаем, что «человеку чувствующему» доступно практически все в изображении: труд фасетки зрения натуралиста, интеллектуальный акт, отсвет озарения etc.

Владимир Аристов

Екатерина Завершнева



Напросвет

Екатерина Завершнева

Напросвет

Санкт-Петербург
Свое издательство
2015

Завершнева Екатерина. Напросвет. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2015. — 82 с.

ISBN 978-5-4386-0801-1

Екатерина Завершнева – участник литературного объединения «Полутона», автор книг «Сомнамбула» (СПб.: Лимбус Пресс, 2009), «Над морем» (М.: Р. Элинина, 2009), «Высотка» (М.: Время, 2012), детских энциклопедий по истории (М.: Пешком в историю, 2011, 2014) и пятидесяти научных работ в области культурно-исторической психологии.

«Напросвет» – второй поэтический сборник автора, в который вошли стихотворения, написанные в 2009–2015 гг.

В оформлении обложки использованы фотографии Павла Настина

© Е. Завершнева, текст, 2015
© К. Кравцов, послесловие, 2015
© Свое издательство, 2015

Птичьи широты / Bird latitudes

*

поля бескрайнего
во мне снежная граница
всех замыслов
линия передач уходит
в нежилую даль исчерченную
криком кайры

там даже воздуха нет
последний выдох
примерзает к губам
тонкий ледок настоящего
легко надломить
шепотом

*

благородство
стальных конструкций
изъеденных влагой
солью перепадами
температур

аркады перекрытий
ажурные опоры стяжки
нескончаемый равнинный
высоковольтный гул

в нагромождении
торосов блуждает зов
забытого божества
монотонный
варган ветра

*

медленное
запустение рост
неорганических корней
земля и небо
забирают каждый свое
из распростертых тел

заброшенные
радарные установки
разрушаясь порождают
бледные сгустки
новых душ

эхо антарктики
тюлений плеск радиоволн
рев белухи в проломе
бетонной стены

сбиваясь
в гигантский косяк
тотем вымершего рода
поднимается
из воды

*

лес арматуры
покрытый изморозью
льдисто поблескивают
осколки

изоляторный ветер
тенькает фарфоровым
колпачком

обесточенные провода
остров плывет в тумане
на вышке никого

небо свернуто
в циклонический глаз
по изнанке один за другим
пробегают рваные
облачные сны

*

подергивание века
между здесь и там
опрокинутый свод
океана

томительные
мгновения жизне-
смерти
прогалины в пухе
раздуваемые
холодком

черная и белая крачки
с прозрачными косточками
влетают друг в друга
и расходятся
едва потревожив
зеркало вод

*

на полюсе безмолвия
мысль стянута в точку
следы предшествующих
катастроф особенно
отчетливы перед
рассветом

ноздреватый
наст напитывается
водой темнея позвонками
проступают подледные
письмена

*

двустворчатые
фонемы моллюсков
алломорфы рыб
потеки солнечного газа
в сторону безъязыкой
безвидной тьмы

водяная линза
вскрывается в протозвуке

выбрасывая миллиарды
светящихся спор

*

рухнувшего мира
выдохом пеплом пою
сомкнутым ртом
в домну тела плавя
звуком славлю
новый эон

голос гол
растрескивается
глиняный кокон гласных
во мне ширится жизнь
взрываясь в космос
оглушенный гвалтом
лавою птиц

*

гомон
птичьих базаров
зеленеющие клифы
испещрены взмахами
крыльев

высокие широты
низвергаются в море
щебетом гамом
чивиканьем отражаясь
от скальных стен

хлопотливые
колонии поморника
береговой припай
идет полосами разводья
оттаявшая земля
ослепляет течением
черных ручьев

*

разделяясь надвое
бросается наперерез
невидимой цели
и снова сбивается
криком в облако

слитные
согласованные
движения стай намечают
бессловесную мысль
скрепленную стежками
петлями взлетов
и падений

в стынущем воздухе
очертания первоимен
процарапаны насквозь
до вечной мерзлоты

*

в северном эпицентре
творения день разрежен
жизнь бедна

линия горизонта
отсекает идеальную
окружность бесконечного
радиуса ни изъяна
ни скола

неподвижное солнце
как во времена óно
безжалостно выжигает тьму
из глаз пораженных
арктической слепотой

Stockholm

1.

утро в шхерах
разговаривать не хочется
извилистый берег
раскрывается повторяя себя
остров это камень
камень это остров

бинокль ловит туман воду
одинокие домики пристани
знаки запрещающие швартовку
створные полосы

перемещаемся на корму
наводим на резкость
ничего не меняется
снова лодки
снятые моторы тенты
скалы знаки

хозяева молодые рыбаки
на наши вопросы отвечают старательно
с недоумением кажется не понимая
мы их они нас тихо переговариваясь
между собой на языке команд
сдвоенные согласные
столько препятствий для голоса
сохранить дыхание удержать тепло
не для себя конечно
им для себя не нужно

у одного трое
у другого пятеро
обычное дело

мы пока бездетны
читаем путешествуем
увязались за ними в лодку
с непривычки руки ободраны
горло саднит хочется спать
встали ни свет ни заря
на завтрак селедка
и так будет всегда
сказал кто-то из нас
то ли в шутку
то ли уже всерьез

здесь ко всему прочему
совершенно нет солнца
его не ждут о нем не думают
живут каким-то невероятным
озерным свечением
идущим снизу со дна
сверху со всех сторон
и каждая лодка
оставляет свой след
до первых заморозков
в виде двух
расходящихся волн

2.

яхты на набережной

черной и белой краской
женские имена
Таави Лена Эсмеральда

цветы в горшках
герани и бегонии
по случаю хорошей погоды
выставлены на палубу

у бортика
бутылка из-под пива
на донышке дождевая вода

при входе много обуви
взрослой и детской
ящик с инструментами
канаты гвозди

дверь открыта
можно заглянуть внутрь
внезапно оказаться дома
где ничего не изменилось
с тех пор

3.

пойдем на Södermahlm
там обыкновенные дома
смотреть нечего
одна высоченная кирха
новая из красного кирпича
в ней почти не служат
нет прихожан

по воскресеньям
молодая женщина в белом облачении
обращаясь к кучке японцев
с фотоаппаратами
говорит им – и стал свет
и в нем была жизнь
и жизнь была свет человеков

4.

прогулка
по городу циклопов
в пасмурный день

глыбы зданий острова
промытые в камне
отели на первой линии
закрыты по случаю шторма
музеи без посетителей
парусники без парусов
поручни натертые до блеска
и все-таки это вода
ее отражения

я иду по набережной
сквозь стекло
витрины
вращающиеся двери
шаг за шагом все ближе
к морю

5.

гостиница в центре
настенное панно
синий круг на белом фоне
стекло акриловая краска
имя художницы
а также пояснение на тему
как надо воспринимать
это произведение искусства

мы добросовестно вглядывались
в неровный красочный слой
искали оригинальный замысел
посмеялись конечно
над наивностью местных
которые всюду видят праздник
в бумажной короне настоящую
в куске стекла инсталляцию
и пьют из пластиковых стаканчиков
дорогое вино

хотя если вдуматься сказал ты
но они не вдумываются
они видят как есть
белое море синее солнце
которое никуда не исчезает
не заходит за горизонт
а только становится голубым
на закате

6.

окно на улицу
напротив точно такое же
зашторенное день и ночь

рождественские подарки
в оберточной бумаге
покрытые слоем пыли
аккуратно сложены
в гостиной

город детей
выглядывающих
из игрушечных домиков
можно носиться шуметь
никто не услышит
можно не пить молоко
не делать уроки

взрослые не заметят
как ты подрастешь
и однажды ты просто
не сможешь войти в дом
Пеппи Длинныйчулок
самой сильной девочки
на свете

7.

флагманский корабль Gamla Stan
затонувший триста лет назад
поднимается из воды
при полной оснастке

на площади ни души
над ратушей сине-золотой флаг
с изображением короля Эрика Святого
скрипят лебедки
место спасательных работ
оцеплено конной полицией
снизу толпится морской народ
разглядывая бородатое днище
обросшее мидиями

гигантский осьминог
поднятый на талях
остров выходит с корнями
земляные щупальца мосты
тянут за собой флотилию
доисторических кораблей

8.

чайки обитают
в каменных гнездах
на улицах ни крошки
скверы памятники шпили
прямое продолжение открыток

у города глаза без зрачков
исполинские надбровные дуги
монолитное тело
найти себе что-то на память
невозможно выступов нет
не за что зацепиться

остается блеклая вода
гранитная пыль для нас
городских голубей
серые розовые зерна восходов
на твоих нескончаемых
набережных Стокгольм

Strangers in the night

*

выходим в ночь
за стеной глухо бьется
сердце старого дома
сточенные зубцы аритмия
одинокой зимы

в зашторенной комнате
кто-то слушает пластинки
на семьдесят восемь
годовых колец
и время лунная река
течет вспять
уже без нас

*

вливаемся
в инфракрасную ночь
тепловой целью слежения
вдыхаем перегретый
спектрально-чистый неон
смешиваясь с потоком
бортовых огней

стробоскопические
зигзаги поворотов
бегущая строка автострады
названия улиц имена

взорвавшихся звезд
не успеваем читать
гаснут

в мелькании дат
по обе стороны от настоящего
твоя жизнь неотличима от чужой
на запредельной скорости
все обезличено
до взаимозаменяемых
порций лучистой энергии
for what is a man what has he got
две даты прочерк
и нечего возразить
если бы не простенькое
I did it my way

*

мегаполис
открывает глаза
на спутниковой карте
поочередно высвечиваются
точки присутствия
пульсируют смехом шепотом
молниями зажигалок
синкопами шагов

прозрачные двери
впускают и выпускают
волновые пакеты тепла
музыку табачный дым
запах эспрессо

кварталы сотканные
из световидной материи
пришпилены к земной тверди
булавками голосов
люди переговариваются в темноте
слова интерферируют
на скрещениях островки смысла
обитаемые дома

наведенный импульс
бежит по троллейбусным проводам
водители ритма в барах приемниках
и музыкальных автоматах
подхватывают на затакте
систола сменяется диастолой
и снова этот голос из-за дверей
I wanna wake up in a city
that doesn't sleep

*

всполохи гудзона
бархат смычков взмахи
дирижерской палочки
на опорах моста
наэлектризованное небо
в опасной близости
от мечты

крылья здесь у каждого
в сиянии ионосферы
ковровая дорожка до луны
метеоритный дождь

валторн и труб
и отпечатки ладоней
оставленные навеки
в безводном грунте

пройти по струне не глядя
вниз на квадраты крыш
скверов и площадей
держать вздыбленную ноту
осыпаясь стружкой обертонов
вынести натиск солнечной радиации
стирающей к чертям
всю твою историю с биографией
выдохнуть в чистый вакуум
и в разорвавшейся тишине
услышать чей-то голос
звяканье льдинок в стакане
шум ветра листву дождь
пение лазоревки

с возвращением на землю
дорогой нейл луи армстронг

blue skies are smiling at me
счастливые небеса над нами
смеются всегда

*

головокружительная
секвенция поворотов
по винтовой лестнице вверх
на одном дыхании
до конца темы

отсюда целый город
как нотная запись которую
в одиночку не разыграть
будь ты хоть сам
чарли паркер

ты снова быстрее меня
лучшая из моих мелодий
взлетаешь по ступенькам
дразня загорелыми коленками
в пенном шифоне платья

помнишь то лето
когда мы бродили по улицам
и я все пытался рассказать тебе
какая ты сейчас
но в самых патетических местах
ты начинала насвистывать
насмешливо руки в карманы
и я затыкался
немея от счастья

лето казалось бесконечным
на одном из перекрестков
я потерял тебя из виду
I lost you to the summer wind

нашел и потерял
той ночью когда я впервые
спел тебя всю

*

знаешь
что самое главное
в городе который
никогда не спит

дойти до края зари
постоять в разреженном
мареве утра увидеть
мир в каменной чаше
вогнутой как ладонь

город-голубь
воркующие переулки
разобраны по зернышку
на блики отсверки отблески
оркестр настраивается
столики выставляют на улицу
стулья чиркают по булыжнику
рев кофемолки клаксоны свистки
еле слышное дрожание воздуха
и стеклянный гул
небоскребов

я бы хотел разделить это
all this & heaven too
с тобой

*

крошечные вихри
эфирного ветра движемся
навстречу друг другу
с противоположных концов
занимается рассвет
окна вспыхивают как спички
одна от одной

до встречи пара секунд
невидимые бестелесные
мы только странники в ночи
странники в ночи

Body and soul

черный шеллак
поздней осени опавшие
листья твоя улыбка
все подернуто инеем
рука сквозь перчатку
неузнаваема но голос
он один теплее
воздуха

бриллиантовое утро
солнце дым безветрие
расставаться легко
близорукие слезы на ветвях
лучатся холодом

у этой пластинки
нет другой стороны
твоя щека колется ясным
отчаяньем ты улыбаешься
it looks like the ending
в облетевшем воздухе
сладость утраты ломкий
надтреснутый блюз

седые астры
в пятнышках увядания
старческая нежность
жухлой травы все уходит
в беспамятство
истлевая кружится
знакомый мотив

'Round Midnight

на перекрестках
твоей памяти ночь

прожигая туман
подслеповатый луч
скользнул по глазам
веером фар распался
визгнув резиной

за поворотом
улицы на одно лицо
электрический свет
изломанный на углах
наглухо сомкнутые
веки окон мертвые
жалюзи лунные
лужи фонарей

в этом городе
где я живу за тебя
все может произойти
гулкая полночь хранит
эхо твоего голоса
долгое в темноте
оборванные разговоры
окурки затяжные дожди
и боль которую снова
некуда деть

отсыревшая спичка
чиркнула и погасла
на середине моста

масляный плеск реки
пронзительный свист
электрички спешащей
прочь из прошлого

пока я блуждаю
вокруг твоей полночи
ты летишь навстречу
упрямому завтра
на острие луча
озаряемая во сне
проблесками городов
где другие мы будем
счастливы снова
и снова

твое лицо
размытое течением
времени поблекло
истаяло словно
солнечный блик
в утомленных глазах
и только ночь
видит нас прежними
где-то на полпути
к бессмертию

день за днем
тонкие как обертки
снежная крупа
хинный сахар
бессонницы

сумерки распускаются
каменным бутоном
улиц и площадей

с каждой вспышкой
я все ближе к тебе
моя нарисованная мечта

Down-the-river blues

for Jim Morrison

*

молитва замешанная
на маковом молоке
белесый дым костра

в прозрачном пламени
танцуют бесполые души

на шоссе
голосует чувак
в полушубке из росомахи
с бутылкой вискаря
декламирует Бодлера койотам
изрыгает проклятья
проносящимся мимо

через два километра авария
все в кашу

стой жди
и тебя подберут

*

молния вшитая в кожу
простроченная одним
движением разъята

лакированная плоть
надрезом расходится
надвое до нутра
глубины недра рёбра
рыбиной молчат

поймали поддели
вспороли брюхо

теперь только сон
и предсмертные зевки
на обветренном побережье

*

как чисты
склеры рыбьего глаза
кембрийского прошлого
ни зверя ни птицы

миллионы лет
смерть зреет и лопается
рассеивая марсианские споры
в каменистой пустыне

на востоке
ширится растет
жидкий пузырь вселенной
готовой взорваться
началом времен

темнота свет
кто-то снова смешал их

в водородно-гелиевую массу
нескольких строк

смотри
сейчас рванет

*

в брюхе змеи
столько дверей
коридоров тупиков
в которых плутает
ослепшая душа

никто не встретит
не даст хлебнуть

сам себе проводник
ищи свой путь
до горького моря

*

ожог девяноста процентов
кожи пузырями липкая
грязь миссисипи
несовместимые с жизнью
несколько лет

агония свист
сужающейся гортани
ожог остальных десяти

уберите свет
дайте безводному духу
выйти вон

*

теплое рыхлое
солодовое пузо земли
родившей первенца

солоно сухо
спекшиеся веки
содранный голос

трилобиты
пальцы дьявола
проступили в песке

видишь
остались только камни
и те молчат

белые орлы
треплют плоть орфея
обрывки на ветру
кора дерева сходящая
лоскутами

змея сбрасывает кожу
медленно линяя
в скользкое солнце

*

подобрали младенца
там же где когда-то
бросили умирать старика

обмыли спеленали
нарекли именем воина

ты видел
ты все видел

машина на обочине
развороченный кузов
твои раскрытые глаза
тряпичная кукла
лента оцепления

мимо мимо
прощай

*

поляна
сокровенных снов
покой индейского лета
три цветных шерстинки
на лбу новорожденного
угли костры круги
пятнистая темнота

протяжная песня сиу
сумерки волчьего края
обнесенного частоколом
вечных секвой

*

принесли
посадили в лодку
отпустили вниз по реке

одряхлел ты приятель
выжил из ума
пережил своих
саблезубых предков

седой мох бровей
спутанные лианы
комариный звон
в глохнущем ухе

влажный дым
щекочет ноздри
иволга поет

медленно
прямиком в устье
венозный ток реки
близкое небо
рассвет

наконец-то
начинается новое
небывалое
то чего люди не чаяли
не просили

не обманул великий змей
ты увидишь это
первым

Магеллан

лежа на палубе
он называл созвездия
подручными именами
корма наугольник
секстант

космос гигантская обсерватория
наполнялся гулом ночи
чернила осьминога
заливали звездное небо
если это смерть то она прекрасна
белый Канопус гребной винт
опутанный морской травой
мой единственный штурман

он бормотал
Ламарк оказался прав
существа переходят друг в друга
я был Магелланом голубем
колонией губок планктоном
счастье всех видов
несло меня сквозь тела
кораллы костей
вены меридианов
сердце голубая медуза
дрейфовало на юг
я пытался себя обогнуть
и не смог

я видел землю
ее круглый лоб
детские глаза любопытные
с обратной стороны
подзорной трубы

я качал ее
и она засыпала
ночь текла как молоко
матери-индианки
звезд оказалось больше
чем можно узнать
за одну простую жизнь

мир мал
говорил мне когда-то
мой учитель Марко Поло
он едва умещается
в зернышке черного перца
и я носил его с собой
в кармане
и тысяча дней
была как один
потерянный день

мир необозрим
такова последняя
евклидова аксиома
в судовом журнале человечества
тоскующего по дому
которая больше не требует
доказательств

я искал новый свет
а он был повсюду
мой компас
указывал на него
как слепое растение
вытянувшееся в сторону
невозможного

и вот мы у цели
моя душа поднимается
вверх по течению
фосфоресцирует тело
играя летит за кормой
золотая дорада

Себастьян весной

юный воин Святой Себастьян
поднимает зеленые веки
и опять наступает весна
на тосканских холмах
зацветают кресты и знамена
осыпается бледный миндаль
Себастьян открывает глаза
листопадные ямы ручьи
ледяные протоки
где до дна чернота чернота
он мучительно спит
и не знает что время пришло

облака проплывают
в озерных зрачках Себастьяна
и в расширенном сердце вода
тело тянет из воздуха
мед перезрелый
слежавшийся мед
но весна как взрывная волна
разливается болью
и светом и болью
оглушенный он хочет позвать
и не может позвать

на границе песка и воды
исчезают слова
что упрямо росли изо рта Себастьяна
пузырьки и икринки
слюна и серебряный свет
оживает Святой Себастьян

мертвый мертвым не будет
в земле милосердия нет
он не в силах подняться
не я
не со мной

черный дрозд
ворошащий листву
у ручья Себастьяна
видит спутанный ком
из корней и волос
дождевую работу червя
и молочные зерна
в оттаявших деснах
молодая луна затмеваясь
плывет в борозде
влажный воздух щекочет его
он поет
содрогаясь от каждого звука
внимает ему Себастьян

этот сон не прервется
пока продолжается ночь
вереницы убитых
проходят путем чернозема
и становятся мной
забывая свои имена
медуница орешник ольха
рассеченное тело мое первоцвет
и ростки словно стрелы
пронзают и рвут и целят
зеленеет победное древко земли
наступает весна

Курос

один на острове
прыгал с обрыва, ловил крабов
кидал камешки в воду
а день все длится и длится

солнце сорвалось с привязи
лижет твои лодыжки, ластится
носится по пятам с заливистым лаем
рассыпаясь мириадами брызг
даже солнце сегодня твое –
и счастливо

легкое тело, вылепленное
из лучшей эолийской глины
омыто ветром, присыпано солью
обожжено до звона, до неуязвимости
волосы развеваются на бегу
языками задыхающихся псов
никто тебя не догонит
ты знаешь

безымянная жизнь
юная, вечная, ничья
тростниковая флейта, забытая в траве
полуденный ветер гуляет в ней
выдувая монотонное *да-ле-ко*
да-ле-ко

твое беспечное время
течет сквозь спекшийся полдень
быстрее облака, быстрее тени
дальше звезд
да-ле-ко

столько стерегущих глаз
обернись и увидишь –
провалы пещер, орлиные гнезда
тяжелые веки ящериц
холодок из расщелин

неподвижно глядит на тебя
тысячеглазая ночь

обернись и застынь
каменея улыбкой –
вечной, юной, ничьей

Детство

никто не помнит о нем
чей-то ребенок у ржавых качелей
слушает ветер, видит тени
взлетающих к небу птиц
с каждым взмахом все выше
гаммы наперехлест, вперегонки
кто быстрее – горластая труба
спотыкающееся фортепьяно
или робкая, снулая скрипка

двор, затерянный во дворах
втоптанные в землю щепочки
четыре осевших столбика
вот и все, что осталось от скамейки
на которой молодые женщины
из круга Леонардо
пытались различить сквозь паутину
цветущие липы, бабочек
своих малышей в одинаково
белых панамках

лето, пошедшее трещинками
это не подлежит реставрации, я знаю
но уже не я, а ты бежишь по дорожкам
тополиный пух опускается на свежую краску
и кто-то без конца разучивает на трубе
путь вверх и путь вниз

Беловодье

в камышовом доме
одни на выстрел вокруг
на журавлиный крик

нежилые места
по утрам трещит кедровка
ночью тоненький звон мошки́
две-три звезды из окошка
крупные, словно ягоды на кусте
зубчатая кайма елей
сизые, незрячие глаза
черничного леса

у подгнивших мостков
мальки стоят в протоке
в масляном пятне солнца
расплывающемся спросонок
вниз по течению
по кромке оползни, корни
кукушкин лен

шелестом, клекотом
до истока звуки
идут по реке

ночевали на озере
ловили рыбу
попадалась мелкая, глупая
отпускали обратно
вода в котелке не кипела
иголки не тонули, плавали

чай отдавал мхами
землей

песок повсюду
в доме, в карманах
в жестяной кружке
даже в словах через слово
песок

вытертый брезент
поцарапанные руки
розовые скулы
в перепелиных крапинках
кто теперь различит
где я, а где ты

позови меня шепотом
из твоего беловодья
из-за края жизни
твоей позови

на том берегу
ни звука, ни ветерка
снег сошел, поднялась река
затопила мостки, крыльцо
и только острые пальцы
осоки из-под воды
и на старом месте
мальки

прожили лето вечность
думали вернемся
через год-другой

но вот и вечность прошла

Напросвет

***

твоим незримым
присутствием осень
обнимает меня

потоки тепла
перемешиваются
в остывающем воздухе
границы ветра размыты
опушенное семечко лета
движется к югу
в открытом пламени
колеблется линия
горизонта

перекрываюсь тобой
тенью крыла облака
следую за улыбкой твоей
бегущей по земле
от края до края

последний солнечный день
все живое распечатано, растворено
сочится теплом, истончаясь
на пригреве, вливается в небытие
по прожилкам ледяная вода
стоит недвижима
больше не хочется пить
не нужно расти

янтарные листья
мы тоже теперь напросвет
друг для друга

солнце, иней
паутина на камнях
смерзшиеся головки цветов
вкрапления песка и смолы
трещинки ящерки
разбегающиеся от звука шагов
сдвоенные струны сосен
папоротники света
у любви столько примет
чтобы я отыскала тебя
живым

смотритель ноября
запирает ограду на ключ
россыпью по траве
рябиновый, терновый алфавит
горькие буквы боярышника

сложи мне слова, какие захочешь
и снова смешай их с землей

теперь я услышу

***

сумеречный мед
густого гречишного лета
разморенная река, грозный рогоз
раскаты лилового ливня
пряный сухостой полдня
ивы, исполосованные солнцем
белый песок

сумею ли отпустить
тебя к тебе
сделаться тише слов

давно, незаметно
проросли друг другом
в надежном неведении
утомленной юности, легкости
прикосновений, осыпавшихся
земляникой в осоке

спелое, долгое
тепло твоих губ
земной тверди, вздымающейся
спокойным дыханием
биение подземного сердца
тяжесть руки
обнимающей во сне

все это было на время
теперь ты знаешь

озябшее «я»
просыпается, ищет тебя
дрожащее осеннее «я»

слабый отсвет, темный
мед на губах, капли
речного дождя

нет, не плачу
смотрю

осень обнажает нежность
окраинную нежность
твоего растущего бытия
преодолевшего
притяжение земли

осень забирает тебя
из моих рук, не встречая
сопротивления сердца
черенок листа отмирает
жизнь отгораживается стеной
одеревеневших клеточек-слов
в запаянных ампулах прошлого
разрушается, выцветает
зеленая сила лета
предоставленная себе
ничья

ничто не скрывает любви
между нами она одна
видишь ее ровный, алый свет
льющийся к тебе другому
из сердцевины листа
за край

это я
это мы

***

нет, не обескровлены
спасены

жгутом мгновенного
холода перетянуты реки
устье памяти обмелело
оголив каменистые островки
неприметного прошлого
открытые шлюзы во льду
побелевшая корпия трав
оковы молчанья

радуйся
раны его закрылись
говорит мне зима

сколько дней
на краю спутанных слов
в сумеречной близости
чуткой бессоннице
любящих умерших
сколько ночей
в световом проеме
вдвоем

просыпались на голос
оглянувшись на полпути
возвращались тенями к теням
корнями к корням
и разрубленный лес
восставал из семечка
невредимый
дикий

оплетали
побегами нежности
цвели омелой, сыпались
в землю отсыревшей пыльцой
и так без конца
без надежды

не зови, сказала зима
он уже далеко

взмахом ее ресниц
рассечены, разведены
по заснеженным берегам
словно брат с сестрой
ясень с ивою

тихий кров
нетронутого наста
твоей несмятой постели
обжигающая белизна
покой исцеленных
друг от друга

ты в доме его
говорит мне зима

подожди

***

тот свет
не оставляет меня
распускается каплей молока
сиянием подслеповатой
засахаренной зимы

морозное дыхание
по изнанке стекла
крошечными веточками
иней затягивает окно
пар над полыньей
не видно лица

вскрылась, сломала лед
не остановить, не заживить

попроси за меня
белой кровью
ранней весной не дай
перелиться к тебе
в тот свет

***

ты плакала, проснись

в лунках сна
плавится лежалый снег
ртутно-серая
отравленная вода
вкрадчивый шепот
ты не увидишь его
никогда не обнимешь
его никогда

беззащитное
детское ухо сна
вязкий настой
стекающий по дну
в серной тьме

не бойся ее, проснись

трубочки борщевика
узкие протоки
канальцы смерти
ее дыхание, испарина
хриплый лай

обрывки черного ветра
трепещущие на ветвях
пепел осени, одинокое
смутное солнце
меж стволов

бедная ласточка
проснись, я с тобой

***

твой голос
в ночной листве
и незнакомое счастье
новое, странное

сбивчивый ветер
солнце из-под земли
отблески на руках, в траве
темный свет ходит кругами
кипя у корней
листья волнуются, шепчут
запинаясь там же
где ты

нет, не спеши
ведь я понимаю тебя
как раньше

рваное
платье бессонницы
в подоле репей
память расцветает
чертополохом полнится
стрекотом цикад
растущая ночь

волоконца звезд
протянуты сквозь небо
к тебе другому
перетекает душа
сочась на изломе
млечной горечью
светом

тело покинутый дом
выметенный добела
тихий, пустой

окна отворены
и некому жить

***

внезапная тишина
затопила меня как остров
захлестнула, вынесла
на прибрежный песок
одиночества

сосны
вычерченные
по отвесу солнца гудят
на ветру руки твои обнимают
меня маревом утра смыкаясь
там где кончается море нигде
и повсюду дыханье открытой
до края счастливой земли

в перевернутом небе
качается спящая лодка
блеснув отраженьем
чайка легла на крыло
и ушла в высоту

я зову
но ответа не будет

безмолвно твои облака
плывут над землей

Годы спокойного солнца

***

ожидание
годы спокойного солнца
лестница ангелов
рассохлась от света
никто не сходит по ступеням
в купель Шилоах
никто не смущает
спящую воду

тела-губки
промоины лиц
мы жили так долго
пока поднималась вода
захлебываясь
торопливо жили
уходя на дно
и никто не успел

люди-рыбы
безымянные
задохнувшиеся в сетях
заваленные в пещерах
молчим пораженные сиянием
прокаженные распускаем
отдаем день за днем
и жизнь разматывается
до первого витка
до зеленой дрожащей ниточки
сложенной вдвое
в пустоте

лучевые кости
опоры фаланги
скрещиваются в небе
новорожденные души
теснятся просвечивая
плавниками медленно
разворачиваются к солнцу
и уходят наверх

***

спим и не видим
преображения тела
светоносная кровь
пульсирует в ямке зрачка
частоколом ресниц
обнесен умирающий свет
теперь он внутри
вот он погас

комочки узелки
нитевидные сны
под склеенными веками
толкается бьется
нерастраченная жизнь
неделимая ничья

пленки рождений
перегородки смертей
разорваны смяты
срастается строится
вавилонский риф

пальцы анемонов
просеивают свет
узники делящихся клеток
смотрят точками глаз
расправляются веточки легких
все шире просторнее вверх

по ветвящимся венам
идет светоносная кровь
приготовьте ей путь
дайте ей снова
сказать о себе

***

исчерченные солнцем
погребальные пелены
золотая пыльца на губах
стоячие воды посмертия
насечки света

на границе
каменные колоссы
омываемые
голубым сиянием

дальше пути нет
усталости нет
отсюда
и до последних пределов
страна верных

ты на краю земли
смотри

вот гнезда семей
прилепившиеся
к восковым скалам
вот термитные города
прозрачные кристаллы соли
темные включения тел
в пузырьках магмы

здесь жили как на ладони
залитые солнцем и стеклом
и молитвы застывали
в вулканическом воздухе

образуя каверны рытвины
ямы наполненные голосами
живых и мертвых

век подходил к концу
обсидиановый мир
отвердевая
расслаивался полосами
цветного стекла

мы стояли на краю
глядя на исчезающие реки
горы и ледники

мы покинули мир
последними
зная что за нами
никто не придет

на улицах ни души
гробницы открыты
и каждый новый день
как тысяча лет

***

вогнутый мир искривленный тяжестью мира
перетекает в себя ссыпается прокаленным
смертью песком промытым пра-мы ком
ком слепленных душ просящих его
отче наш не возроди роди ради
ем взорвись пра ведным гне
вом уничтожь нас пере
мели в муку испеки
в пещи спаси
отвори ве
ны ум
ри
.

сви
стом сви
щем вихрем зе
вом воем пройдем
вопя проглоти избавь от
плоти отплати раба твоего вы
пусти из гроба дай неба в нёбо око
в вывернутое веко сотвори из песка нового человека
сохрани на твоих весах отче наш сущий на небесах

Missa post diluvium / Месса после потопа

*

плавание длиною
в семь тысячелетий

рожденный во чреве кита
ты не знал молитвы
она была шаткой
плачущей лестницей
в небо черное от копоти

звуки сливались
в тяжелый гул
и ты следовал за ней
снимая губами слепок
дрожащего воздуха

как вдруг чей-то голос
взметнувшись
прорезал нотоносец
и посыпались зерна
четверти восьмые
половинки слов

громада мехов
выдохнула ледяной ветер
De profundis clavami ad te
полоснуло и оборвалось
в гудящую тишину

*

в плавучем соборе
человеческого рода
забыв подобно многим
опуститься на колени
ты стоял пораженный
внезапным светом
в прорехе китового брюха

бескровный луч
рассекая пленку роговицы
прожигал каждую душу
готовую к альтерации
и разноцветная
промытая ливнем
чешуя витража играла
на лицах обращенных
к подкупольной мгле

*

и ты тоже
ждал ответа от музыки
от ее соцветий
старческих повторов
гроздьями гнева
клонившихся к земле
на закате времен

ты не знал
что ее терциями

прочно отмечено
троекратное отречение
от тебя живого

и что отныне
глохнущему пространству
остается только алый
острый как лезвие
край заходящего солнца
и его отблеск на верхушках
органного леса

*

кто был тот безумец
первым со дна моря
воззвавший *Kyrie eleison*
так что и свет не вынес
молчания и прорвал
облачный покров

сколько нас
возопивших вслед за ним
накрыла семидневная волна
смяла в кулаке до полного
неразличимого родства

братья сестры
слепленные комом
молитвы все до единого
захлебнулись в ней
рыбой на песке разевающей
разодранный рот

*

музыка мертва
остов левиафана
продуваемый ветром
резонирует на каждое
бессмысленное движение
воздушных масс

трубчатые кости
изъедены звуком
между ребрами
пустые интервалы
и небо

простой
гармонический ряд
в котором плотно пригнаны
кварты и квинты
и ни зазора
для чуда

*

музыка мертва
а ты – другой – растешь
как многоголосый хорал
в сыром подлеске

полифонный дождь
бежит по желобкам
внутреннего уха
каннелюры колонн

становятся бороздками
для воды стекающей
к корням

нестройная капель
репетиция нового канона
дождь покажет тебе
где вступить

*

один миг
и ты снова вплетен
в бессмертие сотканное
из малых секунд
тиканьем у виска

своды черепа
разошлись обнажая
звездчатые раны
перекрытия памяти
щебень и пыль
взорванных городов

ничто
смотрит из дыр
твоими глазами
на развороченный мир
нерушимое ничто
в каждой ямке
каменной тверди

не бойся
отсутствия слов
начни с затакта
с чистых октав
с пустых созвучий
не выражающих
даже отчаянья

для мысли
слишком рано
боль едва изъята
из состава вещества

прозрачное
оно снова пригодно
для лепки светом
и звуком

Requiem for a seagull / Реквием чайке

*

падала разбивая
льдистые плоскости
израненная высотой
неслась по спирали
ломкого свиста

пеной вскипев
в разрывах плевры
проткнул пространство
костью птичий крик
цугом волн идущий
на огиб земли

оглушенный
вздыбился океан
отвесно кренясь
и рухнул за горизонт
и волна волну
спеленала

*

смятая
громадой удара
себя заземлила
подвздошная боль
обняла отпустила
ослепла

в прорехе зрачков
разлитая даль бытия
сотворенного рас-
сотворенного

там
на дне ее глаз
прозрачные глыбы-
углы сходясь давили
свой урожай

и жизнь
текла желобами
птиц листвы и людей
в каменные тарпаны
посмертья

*

долго-
спящие цвелью
слежавшихся снов
все они здесь
ожидали

перебродила мезга
облитый известью
невзрачный месяц
взошел на полях
испарений

в земляной жиже
все ярче и ярче
зерна-светляки

из дыр песчаника
глядят бескрылые семьи
смолистой слезой
запечатаны

тверд их мед
прозрачен и чист
хрусталь поражений

в высохших копнах
поспели срезанные на лету
жаждой исхлестаны

горяч лоб несбывшегося
сукровица повязок
сорвана черен рот

и те последние
уснувшие в чаду
подогнули головки
жженым маком кивая
сыплются в топь
благодарно

все о чем просили
Господи все сбылось
и вечность ко рту
подступила

*

дальше
легкокрылая
теперь не медли
прогорклой мглой
надышавшись

перебродило
впрозелень глину
траву и мел
над стоячей водой
бахрома бормотанья
пятнами солнца
изъеден плес

со свечами душ
опаленными одна
от одной лепятся
илом к берегу

сетью твоей Господи
улови в сиянии
утонувших

*

я-мы-ты
безымянные
расцепились омыты
ливнем бликов

на гранях
движения возникали
распадом луча о твердь
преломленными
текли в стекле слоились
слюдой отражений

и линзы солнц
полыхали задетые
маятником взора Его
ведущего огненную
борозду от начала
к концу времен

*

ликующий
пурпур и кармин
орифламма пламени
языками вытянута
во тьму рассвета

сонм голосов
растущий навстречу
яростному свечению
горизонта

горячий ветер
всполохи жара
на неопалимом крыле

мелкие точки звезд
поют о Тебе в огне-
цветную ночь

*

свет угасающий
разгорается в устье
изгибами гибели
разожжен

в перетяжку
течет людская листва
меркнет в водовороте
щебетом захлебнувшись
слабеет ее жизнеток

в средоточии тьмы
мы с тобой породнились
чайка-сестра

не бойся лети
к светозарному озеру
где однажды сольются
огни берегов

чайка
сестра по простору
теперь ты – простор

О птичьих широтах

Книга Екатерины Завершневой открывается своеобразным *прологом на небесах* – циклом «Птичьи широты», задающим тон всему остальному, чтобы закончиться «Реквиемом чайке» – сменяющим друг друга *фазам быстрого сна* перелетной птицы, летящей с одного полюса на другой. Исходная точка – заполярье (южное или северное – не ясно, да это и не суть важно), где сам ландшафт есть пространство перехода-выхода из отменяемой Полюсом системы координат: того мира, каким мы его знаем и еще помним, больше не существует, а новый – потусторонний, запредельный, находящийся «за горизонтом событий» – пока только греза, догадка, и именно в этом промежутке разворачивается повествование-сообщение, воспоминание-сон об утраченном, сквозь который просвечивает «новый эон»:

рухнувшего мира
выдохом пеплом пою
сомкнутым ртом
в домну тела плавя
звуком славлю
новый эон

И с этим прославлением-воспеванием, говорится далее,

во мне ширится жизнь
взрываясь в космос
оглушенный гвалтом
лавою птиц

и

неподвижное солнце
как во времена óно
безжалостно выжигает тьму
из глаз пораженных
арктической слепотой

Все картины, возникающие дальше чтобы закончиться возвращением к исходной точке, где речь пойдет уже не о широтах, а гостье этих широт – «чайке-сестре» – вереница снов, всегда имеющих приметы определенного места, времени, состояния или – воспоминаний об остановках в проделанном кругосветном путешествии. Книга представляет собой, таким образом, некий путевой дневник, где один план реальности просвечивает сквозь другой, складываясь в узор, похожий на узор птичьего пера и такой же воздушно-легкий, прозрачный, тающий, чтобы уступить место новому видению-воспоминанию. Да и что такое вся мировая литература как не бортовой журнал, заполняемый каждым по-своему, чтобы разрешиться в конце реквиемом-напутствием?

в перетяжку
течет людская листва
меркнет в водовороте
щебетом захлебнувшись
слабеет ее жизнеток

в средоточии тьмы
мы с тобой породнились
чайка сестра

не бойся лети
к светозарному озеру
где однажды сольются
огни берегов

чайка
сестра по простору
теперь ты – простор

Индивидуальность – то, что замыкает частное в нем самом, отделяя его от всеобщего – преодолена, начинается новый полет «к светозарному озеру». В этом отношении – никакой «инновации», вытеснившей все от века присущие поэзии смыслы и вместе с ним ее самое, никакой смешной претензии на «актуальность», но тот же, по сути, Дантов путь из сумрачного леса к звездным и надзвездным сферам, то же религиозно-поэтическое умозрение, что дает шанс художественному высказыванию на долгую (в пределе – вечную) жизнь. И что еще любопытно: само оглавление этой книги может читаться как стихотворение, входящее в нее на равных с другими. Взять хотя бы последний цикл:

Requiem for a seagull / Реквием чайке
...падала разбивая льдистые плоскости
...смятая громадой удара
...долго-спящие цвелью слежавшихся снов
...дальше легкокрылая
...я-мы-ты безымянные
...ликующий пурпур и кармин
...свет угасающий разгорается в устье

Константин Кравцов

Содержание

Птичьи широты / Bird latitude *3*
...поля бескрайнего 3
...благородство стальных конструкций 3
...медленное запустение 4
...лес арматуры покрытый изморозью 5
...подергивание века между здесь и там 5
...на полюсе безмолвия 6
...двустворчатые фонемы моллюсков 6
...рухнувшего мира выдохом 7
...гомон птичьих базаров 7
...разделяясь надвое 8
...в северном эпицентре творения 9
Stockholm *10*
...утро в шхерах 10
...яхты на набережной 12
...пойдем на Södermalm 13
...прогулка по городу циклопов 14
...гостиница в центре 15
...окно на улицу 16
...фрагманский корабль Gamla Stan 17
...чайки обитают 18
Strangers in the night *19*
...выходим в ночь 19
...вливаемся в инфракрасную ночь 19
...мегаполис открывает глаза 20
...всполохи гудзона 21
...головокружительная секвенция поворотов 22
...знаешь что самое главное в городе 24
...крошечные вихри эфирного ветра 25
Body and soul *26*
'Round Midnight *27*

Down-the-river blues *30*
...молитва замешанная на маковом молоке 30
...молния вшитая в кожу 30
...как чисты склеры рыбьего глаза 31
...в брюхе змеи столько дверей 32
...ожог девяноста процентов кожи 32
...теплое рыхлое солодовое 33
...подобрали младенца 34
...поляна сокровенных снов 34
...принесли посадили в лодку 35
Магеллан *37*
Себастьян весной *40*
Курос *42*
Детство *44*
Беловодье *45*
Напросвет *47*
...твоим незримым присутствием 47
...сумеречный мед густого гречишного лета 49
...нет, не обескровлены 51
...тот свет не оставляет меня 53
...ты плакала, проснись 54
...твой голос в ночной листве 55
...внезапная тишина затопила меня как остров 57
Годы спокойного солнца *58*
...ожидание годы спокойного солнца 58
...спим и не видим преображения тела 60
...исчерченные солнцем погребальные пелены 61
...вогнутый мир искривленный тяжестью мира 63
Missa post diluvium / Месса после потопа *64*
...плавание длиною семь тысячелетий 64
...в плавучем соборе человеческого рода 65
...и ты тоже ждал ответа от музыки 65
...кто был тот безумец 66
...музыка мертва 67

...а ты – другой – растешь 67
...один миг и ты снова вплетен 68
Requiem for a seagull / Реквием чайке *70*
...падала разбивая льдистые плоскости 70
...смятая громадой удара 70
...долго-спящие цвелью слежавшихся снов 71
...дальше легкокрылая 73
...я-мы-ты безымянные 73
...ликующий пурпур и кармин 74
...свет угасающий разгорается в устье 75

Константин Кравцов. О птичьих широтах 76

Екатерина Завершнева

Напросвет

ISBN 978-5-4386-0801-1

«Свое издательство»
1971987, Санкт-Петербург,
Зоологический пер., 1-3
http://isvoe.ru
editor@isvoe.ru
(812) 900-21-45
Подписано в печать 04.06.2015
Печать цифровая